
Марина Ветрова ✦ Камила Левитан
Измена мужа.
Ты оставил мне долг в 90 миллионов,
а шейх подарил новую жизнь!

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты оставил мне долг в 90 миллионов, а шейх подарил новую жизнь!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты оставил мне долг в 90 миллионов, а шейх подарил новую жизнь! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Муж исчез, оставив мне девяносто миллионов чужого долга. Под моим поручительством стоит подпись, которую я никогда не ставила. Счета под угрозой, репутация разрушена, а за спиной мужа обнаруживается другая женщина.Чтобы доказать свою невиновность, я отправляюсь в Доху — прямо в резиденцию шейха Халида аль-Мансури.Он выкупил мой долг.Теперь именно этот властный незнакомец решает, получу ли я свободу.Но вместо покорности я начинаю собственное расследование и нахожу следы опасной финансовой аферы.Шейх предлагает защиту, а я неожиданно замечаю, как меняется его взгляд.Кто станет моим спасением — он или наконец обретённая смелость?И смогу ли я снова поверить мужчине?

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Закорючка 5
Глава 2. Арест 9
Глава 3. Долг переходит 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Марина Ветрова, Камила Левитан Измена мужа. Ты оставил мне долг в 90 миллионов, а шейх подарил новую жизнь!

Глава 1. Закорючка

Конверт я вскрыла в приёмной, между второй чашкой остывшего кофе и звонком аудитора. Желтоватая бумага, серый штамп, суд первой инстанции. Сумма расплылась перед глазами. Пришлось поднести лист ближе: девяносто миллионов рублей. Иск к Шестаковой Марине Андреевне как поручителю по кредитному договору её мужа.

Перечитала трижды, придерживая конверт на коленях. Цифры не любят, когда их перечитывают с надеждой — они от этого не меняются. Нули теснились за девяткой, и на каждом задерживался взгляд: ошибка, пожалуйста, пусть здесь будет ошибка.

К иску приложили копию поручительства. На третьем листе, под условиями, стояла моя подпись. Моя — и не моя. Наклон правильный, петля «ш» на месте, но росчерк в конце дёрнулся вверх чужой рукой, торопливой, жадной. Расписываюсь так с университета. Тысячи отчётов, утренних и ночных, срочных и выстраданных, — собственный почерк знаком, как лицо в зеркале. Здесь зеркало кривилось. Кто-то выводил «Марина Шестакова» по банковскому образцу, положенному перед ним на стол. В нём ещё сохранялась вторая «а» — теперь от неё оставался короткий штрих. Здесь же буква была выписана старательно, с нажимом, как на экзамене.

— Ещё кофе? — Официант остановился у стойки, с пустой чашкой в руках.

Смотрела на него и пыталась вспомнить, как отвечают на такие вопросы.

— Нет. Спасибо. У меня всё есть.

У меня было девяносто миллионов долга.

Набрала Игоря. После четырёх месяцев редких сообщений — пятый день одни гудки. Его офис — «телефон абонента не существует». Его мать плакала в трубку, что он ей тоже не звонит, и это, кажется, впервые за десять лет брака нас объединяло.

— Марина, — говорила она, всхлипывая, — он же золотой, ты не представляешь, каким он был маленьким, он все медали приносил...

— Мама, у меня иск на девяносто миллионов.

— Так а при чём тут я? — Она даже перестала плакать. — Ты же жена. Жёны отвечают.

Отключив звонок, поставила телефон на стол, удерживая себя от желания швырнуть его в стену.

К вечеру счета моей зарплаты и нашей ипотеки легли под арест. Я сидела на кухне, где всё ещё висели его кружки на крючках, — три штуки, с разной степенью сколотости, — и складывала в уме: девяносто миллионов. Кредит на «расширение логистического бизнеса». Логистический бизнес — это был гараж с двумя фурами, которые я своими глазами не видела ни разу.

«С обязательным поручительством супруги» — значилось в банковском договоре. Подпись супруги уже была. Заранее. До договора. Будто кто-то знал, что понадобится.

До двух ночи сидела над приложениями к иску, обводя даты карандашом. Финансисту нужны ответы на два вопроса: кто и когда. Кто положил образец на стол. Когда забрали мою подписную карточку из отдела кадров. Почему банк согласился на поручительство, оформленное раньше договора. Сумму знала уже наизусть, а вопросы продолжали множиться.

В понедельник вызвал меня управляющий филиалом, Сергей Павлович, человек мягкий до извинений. Он не смотрел мне в глаза и гладил папку с бумагами, как гладят больную собаку.

— Марина Андреевна, вы понимаете... головной офис в Дохе очень чувствителен к репутации. А сейчас к нам едет партнёр по сделке, господин Гарин. Сделка «Жемчужная линия» — три года работы. Ваш супруг находится в розыске по банковской линии, — Сергей Павлович наконец поднял глаза. — Понимаете, Марина Андреевна, холдинг не может держать в штате человека, по которому ходят судебные приставы. До четверга вам нужно написать заявление. По собственному. Мы всё оформим мягко.

— Мягко, — повторила я. Слово имело вкус бумаги, которую жуёшь и не можешь проглотить.

— Вы прекрасный финансист. Но партнёр... — он замялся, — господин Гарин завтра будет на совещании. Нельзя, чтобы имя фигуранта иска звучало в одном кабинете с «Жемчужной линией».

— Сергей Павлович, а если иск признают ничтожным? Если экспертиза покажет, что подпись не моя?

— Тогда вам восстановят... — он осёкся, поняв, что именно обещает. — В общем, всё восстановят. Но это месяцы, Марина Андреевна. Месяцы.

— А сделка — четверг.

Сергей Павлович продолжал поглаживать папку, уставившись в её угол.

Собрала блокнот, ручку, свою гордость — последнюю тяжелее всего было унести из этого кабинета. У двери обернулась:

— Сергей Павлович, вы хотя бы посмотрели на подпись в поручительстве?

Он вздрогнул, как от сквозняка.

— Марина Андреевна...

— Наклон правильный. А рука чужая. Я свою подпись знаю, как отпечаток пальца. Кто-то водил ручкой по образцу — медленно, по клеточкам. Настоящая подпись живёт, а эта — нарисованная.

— Я вам сочувствую, — тихо сказал он. — По-человечески сочувствую. Но в суде будет экспертиза, и до экспертизы вам лучше... не шуметь.

Не шуметь. Девяносто миллионов висели на моей шее, муж растворился, как сахар в горячем чае, а мне советовали не шуметь.

— Один вопрос, — сказала я. — Партнёрство по «Жемчужной линии». Оно было до иска или после?

Сергей Павлович поднял голову. Пальцы на папке остановились.

— До, — сказал он тихо. — Но вы этого не спрашивали.

Внизу, у турникета, меня ждал он. Узнала по прошлогоднему визиту в филиал, хотя прежде лично мы не разговаривали: Аркадий Гарин не носил костюмов — он носил деньги так, что костюм был лишь упаковкой. Серый, дорогой, расстёгнутый, как у человека, которому никогда не приходилось ждать у чужих дверей. За спиной — двое: сухой юрист с портфелем, Пичугин, как представили, и водитель с равнодушным лицом.

— Марина Андреевна Шестакова, — сказал Гарин негромко, и в его голосе не было вопроса. — Выпейте кофе. Пять минут, и вы почувствуете себя лучше. Здесь, в холле, слишком много ушей, но я не боюсь ушей. Мне полезно, чтобы слушали.

Мы сели за столик у окна. Он сам отодвинул мне сахарницу, сам подвинул чашку — жесты человека, привыкшего распоряжаться и чужими руками.

— Я не пью кофе с незнакомыми мужчинами, которые знают моё отчество.

— Мы не незнакомые, — сказал он легко. — Я два года читаю ваши отчёты. Вы лучший аналитик этого филиала. Я почти знаю вас лучше, чем ваш муж.

— В этом и есть вся цена вашего «почти».

Уголок его рта дрогнул — впервые за разговор живое движение.

— Ваш муж — обаятельный человек, — продолжал он. — Я наблюдал за ним два года. Обаяние — валюта, но курс у неё падающий. Он взял девяносто миллионов под ваш почерк. Не специально, конечно. Ему подсказали выход умные люди. — Он отпил кофе. — Мир жесток к честным. Вы подписали бы эту бумажку? Никогда. Поэтому её подписали за вас.

— Вы представляете истца. Ваш фонд и подал иск. И вы сейчас будете предлагать мне сделку, о которой нельзя говорить вслух.

— Финансист. Люблю финансистов: вы сами раскладываете свою жизнь по столбцам. Хорошо, вслух. — Он достал телефон, повертел в пальцах, положил на стол экраном вниз. — У меня есть иск. У вас есть голова. Голова стоит дороже. Сделка «Жемчужная линия» — моё детище, три года я её растил, и мне нужно, чтобы заключение по ней подписал человек, которому верят в Дохе. Вы — тот человек. Ваша рука не лжёт в цифрах, об этом знает даже уборщица вашего этажа.

— Вы хотите, чтобы я подписала заключение.

— Я хочу, чтобы мир снова стал справедливым. — Он улыбнулся. — Вы подписываете моё заключение — фонд отзывает иск. Девяносто миллионов испаряются. Ваш муж возвращается домой. Ваша квартира перестаёт быть описанной. Проще пареной репы.

— А если заключение окажется липовым?

— Марина Андреевна. — Он наклонился; вблизи его светло-серые глаза напоминали ноябрьское небо — столько же тепла. — Липовым бывает поручительство. Заключения бывают верными. Всё зависит от того, кто держит ручку. У вас до четверга. Я умею ждать, но четверг — край. А потом отступать будет некуда: кредиторы, приставы, пресса. Пресса любит такие истории. «Жена развела мужа на девяносто миллионов» — красиво звучит, правда? Даже если неправда.

— Вы всё продумали, — сказала я. — Кроме одного. Я не подписываю документы, которые не читала. Ни за деньги, ни за мужа, ни за страх.

— Все так говорят, — вздохнул он, поднимаясь, — пока не попробуют день в очереди к приставам. — Он оставил на столе сложенную вдвое визитку — плотную, тяжёлую, как жетон. — Подумайте. В четверг я жду звонка.

Осталась за столиком, рассматривая тиснение на визитке, пока его машина не скрылась. За окном шёл снег, привычный, серый, и Москва казалась городом, где моё место давно занято кем-то более удачным.

Дома села на пол в прихожей, среди коробок с приготовленными для описи вещами, и позвонила в головной офис холдинга. Голос девушки из приёмной был непроницаемо вежлив: заявление принято, просьба ожидать решения, номер обращения. После звонка прижалась затылком к стене и заплакала — коротко, зло, двумя слезами. Больше времени на них не было.

Телефон зазвонил в одиннадцать вечера. Незнакомый номер, код другой страны.

— Марина Шестакова? — Голос низкий, с лёгким акцентом, каждое слово поставлено на место, как фигура на доске. — Говорит кабинет господина Халида аль-Мансури. Он просил передать: сотрудница, чья рука не лжёт в цифрах, не подписывает заявление об уходе. Билет на самолёт холдинга — в шесть утра. И, Марина... — пауза, в которой слышно было, как далеко и тихо в том кабинете. — Доха принимает вас.

— Погодите. Пусть он говорит сам. У меня к нему вопросы.

— У всех к нему вопросы, — сказал голос, и в нём впервые послышалось что-то похожее на тень улыбки. — Он на них отвечает лично. Это, между прочим, и есть причина, по которой стоит сесть в самолёт.

Трубка погасла. Сидела на полу среди приготовленных коробок и думала о том, что до четверга три дня, что Гарин ждёт звонка, что Игорь молчит, и что кто-то на другом конце земли только что повернул мою жизнь, как планшет с картой.

В ладони ещё теплел телефон. На экране ждало письмо с билетом — в одну сторону. Обратной даты мне никто не назвал.

Глава 2. Арест

Самолёт холдинга пах кожей и кофе. Стюард поставил передо мной тарелку, придержал дрогнувшую чашку и отступил, оставив меня завтракать. Прежде мне не доводилось летать бизнес-классом. Здесь же предоставили отдельный салон: пустые кресла, иллюминатор и собственное отражение в нём — серое, без сна.

— Подать завтрак сейчас или позже? — Стюард придерживал тележку у кресла.

— А когда приземлимся?

— Через четыре часа.

— Тогда где-нибудь между отчаянием и завтраком.

Он опустил глаза к тележке, пряча осторожную улыбку.

Ночь перед вылетом прошла без сна. Сидела на кухне среди кружек Игоря на крючках и вспоминала его — каким он был десять лет назад: рукава закатаны, глаза горят, он рисовал мне на салфетке будущую фуру, первый «логистический бизнес». «Ты у меня умница, Маринка, твоя подпись — мой талисман». Тогда смеялась. Подписывала ему доверенности, справки, заявления, не глядя: любишь, доверяешь, ставишь росчерк там, где он просит.

Своя рука. Чужой росчерк.

В четыре утра пришло сообщение от Валерии Соболь. Номер был знаком: полгода назад она случайно позвонила мне вместо Игоря. «Игорёша», — прозвучало тогда в трубке. На мой вопрос муж ответил, что это партнёрша по бизнесу, истеричка, ничего между ними нет. Хотелось верить. Хватило на два месяца. Потом от бесконечных расспросов осталась одна усталость.

Сообщение было одним: «Сочи, море, наконец-то дышим». Следом — издевательское «улыбаюсь». И фотография: загорелая рука на белой скатерти, запястье в золотых браслетах, бокал. Мужская рука рядом — с часами Игоря. Часами, которые я подарила ему в прошлом году — заранее, на десять лет совместной жизни, которые мы не дожили.

Оставив сообщение без ответа, убрала телефон в карман, как убирают нож — чтобы не хвататься за него при людях. Только потом, в машине до аэропорта, поймала себя на мысли, которая обожгла сильнее фото: море. В начале ноября. На чьи деньги — море в начале ноября, если фуры не видели ни порта, ни трассы?

Накануне квартиру описывали при мне. Двое приставов ходили по комнатам, вежливые, усталые, наклеивали бумажки на вещи, и было странно видеть, как телевизор, купленный на мою первую премию, становится «имущество, потенциально подлежащее реализации». Женщина-пристав задержалась у фотографии на комоде — мы с Игорем на венчании, молодые, глупые.

— Супруг не объявляется? — Она придержала рамку, чтобы протереть место под ней.

— Он у всех на виду. Просто не дома.

Она поставила рамку обратно. Объяснять, где пропадает мой муж, сил не было.

Она расписывалась в описи — быстро, привычно, не пряча от меня листа. Вот так выглядят подписи, за которые не стыдно.

В аэропорту мне позвонила мать. Она плакала и требовала продать её дачу, чтобы «помочь Игорю», и от её слов холодело в груди: даже сейчас, узнав про поддельную подпись, она будет стоять за зятя. Мужчины в её мире не ошибаются — их подводят женщины, которые не уберегли.

— Мам, подпись была фальшивая.

— Так расскажи ему спокойно, он поймёт. Он никогда на тебя не наскакивал.

— Он на меня вообще не выходил четыре месяца.

— Значит, стыдится. Это хороший знак.

Выдержав ещё минуту, сослалась на посадку и отключилась. Хороший знак. Стыдится.

Трап в Дохе встретил меня стеной жара, мягкой, как раскрытая ладонь. У трапа стоял мужчина — высокий, в идеальном белом, лицо спокойное и тяжёлое, как печать на документе. Джасим, представился он, шеф охраны дома. За ним — женщина в чёрном с золотой вышивкой по рукавам, с лицом тёплым и зорким сразу.

— Нура. Заведующая домом. — Женщина улыбнулась, шагнув из тени. — Добро пожаловать, Марина.

— Спасибо. Мне бы...

— Паспорт. — Джасим протянул раскрытую папку. Тон мягкий, сталь под бархатом. — По протоколу дома. Документы всех гостей первого круга хранятся в сейфе дворца. Вы теперь гостья первого круга.

— Гостья не может быть пленницей.

— Гостья первого круга не может быть ничем, кроме желанной. — Джасим не улыбался. — Поверьте, второе безопаснее.

— А если я откажусь отдать паспорт?

— Тогда я буду стоять здесь, вы будете стоять здесь, и самолёт будет стоять здесь. — Он закрыл папку. — Катар не изменится, солнце не станет мягче. Мы потеряем двадцать минут, вы — лицо. Дом этого не хочет.

Мы смотрели друг на друга, пока раскалённый воздух обжигал щёки. Джасим стоял неподвижно. Ему и впрямь было некуда торопиться: он мог прождать здесь до вечера.

Паспорт ушёл в кожаную папку, папка — в руки третьего человека. Стояла на раскалённом бетоне, без документов, с чемоданом, в котором была почти вся моя жизнь — двадцать девять лет, упакованные за четыре часа, — и думала: а назад? А если назад?

— Марина, — Нура коснулась моего локтя, легко, по-домашнему. — Здесь так не думают. Здесь думают: зачем ты пришла, а не как уйти. Идём. Тебе нужен душ и еда. Человек без еды думает криво.

— А человек без паспорта?

— Человек без паспорта думает очень прямо. — Нура забрала у меня чемодан. — Это даже полезно. Поехали.

Машина шла вдоль набережной, за стеклом горел залив — вода цвета расплавленного стекла, белые корабли, минареты, стеклянные башни. Дворец вырос неожиданно — из-за поворота, из-за ряда платанов, посаженных в порядке, которому позавидовала бы моя старая бухгалтерия: белые стены, стрельчатые окна, фонтан; над нагретым бортиком дрожал воздух.

Двери были высокие, из тёмного дерева, с медными кольцами. Их открыли передо мной двое слуг.

А закрылись — за спиной.

Тяжело, бесшумно, окончательно. Обернулась к входу. Джасим уже шагал в глубину галереи.

— Марина, — Нура тронула мою руку. — Вода горячая. Ужин через двадцать минут. Баранина с рисом — не отказывайся, ты бледная.

— Нура. Почему двери закрылись снаружи?

— Потому что они закрываются всегда, когда гостья входит. — Нура терпеливо ждала у лестницы. — Дом закрывается от ветра, от песка, от чужих глаз. Ты теперь внутри — значит, ветер тебе не страшен. Иди умойся, не стой на сквозняке, даже если здесь нет сквозняков.

Кивнув, пошла за ней по прохладному каменному коридору. Каждый шаг отдавался под сводами. Гарин дал мне до четверга — осталось два дня. А я заперта в золотой клетке на другом конце земли, без паспорта, без мужа, без права подписать хоть что-нибудь — и, может быть, это единственное, что меня пока спасает.

Ужин подали на террасе над заливом. Рис был рассыпчатый, баранина таяла, и я, не желая того, съела всё, до последней ложки, и поймала взгляд Нуры — удовлетворённый, хозяйский.

— Теперь спать. Завтра тебя ждут. — Она пододвинула салфетку к пустой тарелке.

— Кто?

Нура собрала тарелки и на секунду задержалась.

— Дом. Дом ждёт своих.

— А если я не хочу быть ничьей?

— Тогда дом подождёт. — Нура убрала последнюю тарелку, ничуть не обидевшись. — Он старый. Он умеет ждать. Это ты молодая, тебе ждать трудно. Иди.

Комната, которую мне отвели, была над заливом: широкое окно, лунный свет лежал на полу серой дорожкой. Легла, не раздеваясь до конца, и долго слушала, как шумит внизу вода. Под подушкой лежала визитка Гарина — сунула её туда, разбирая сумку, и теперь бумажный угол колол щёку. Достала, повертела. Плотная бумага, тиснёное имя. Вещь, сделанная, чтобы её держали в руках и подчинялись.

Положила на стол — лицом вниз.

Паспорт — в сейфе. Долг — девяносто миллионов. Для встречи с Гариным по его условиям я была теперь недосягаема. Здесь, в этом доме, мои руки, моя подпись, моя голова пока не принадлежали никому.

За дверью прошли двое. Сквозь дерево донеслось: «Завтра к господину. В девять».

Их шаги стихли возле моей комнаты.

Глава 3. Долг переходит

Он остановился в конце коридора, и Нура подтолкнула меня вперёд:

— Господин ждёт. Идите.

По длинному коридору, ведущему в кабинет с тремя окнами, навстречу шёл человек в белом без единого узора — и то, что мои коллеги в Москве назвали бы «шеф», здесь выглядело как закон, идущий по коридору. Лет тридцати пяти, тёмные глаза без выражения, взгляд прошёл по мне, задержался на руках — на моих руках, сцепленных перед собой, — и вернулся к лицу.

— Марина Шестакова. — Халид аль-Мансури остановился передо мной, ожидая подтверждения.

— Да.

— Пойдёмте. — Он развернулся, не дожидаясь, и мне оставалось только идти следом. Шёл быстро, и пришлось прибавить шагу. Стоило мне отстать у поворота, он замедлился, даже не оглянувшись. От этой внимательности становилось тревожнее.

Кабинет был огромный и пустой: стол, три окна на залив, на стене — без рамы — лист бумаги с одной-единственной строкой арабской вязи. У окна стоял низкий столик, на нём — кофейник и две чашки без ручек.

Он не предложил мне сесть. Сам сел — и это оказалось знаком: сесть за одним столиком с ним было милостью.

— Требование по вашему иску выкуплено вчера в одиннадцать вечера по Москве. Девяносто миллионов перечислены фонду Гарина. — Он подвинул ко мне банковское подтверждение. — С этой минуты кредитор вам — я.

Чашка стояла нетронутой: пальцы дрожали, и поднести её ко рту, не расплескав, было бы трудно.

— Это невозможно. Для уступки требования нужно согласие кредитора. Гарин не согласился бы просто так.

— Гарин взял деньги через посредника, решив, что долг уже сделал своё дело. Он ждал вашего согласия на заключение. Девяносто миллионов вернулись ему, а вы, по его расчёту, должны были остаться в ловушке. Я выкупил требование, пока он ждал вашей подписи под заключением.

— Зачем?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. За окном шёл свет, отражался от воды, ложился на его лицо — и не согревал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.